

УДК 811.161.1

К ВОПРОСУ О «НЕТРАДИЦИОННОСТИ» КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ

© Лилия Ахмерова, Юлия Капралова, Екатерина Палеха

ON “NON-TRADITIONALITY” OF COMMUNICATIVE GRAMMAR

Liliya Akhmerova, Julia Kapralova, Ekaterina Palekha

The article deals with the specific features of a “new” communicative approach to teaching foreign language grammar. The work aims to determine the distinctive criteria of traditional and “non-traditional” approaches to teaching grammar, to find differences between the varieties of the communicative approach and to determine the place of this approach in the contemporary methodical “worldview”. The authors raise the question of the continuity of methodical traditions, tracing the origin of the communicative approach, its theoretic background and considering its involvement in the contemporary humanitarian paradigm. The article emphasizes the methodological similitude of traditional and “non-traditional” grammar, although both approaches contrast each other depending on their being either onomasiologically or semasiologically oriented and their preference of the specific type of verbal activity. Further, we characterize the three species of communicative “non-traditional” grammar approaches: the functional-communicative grammar of G. A. Zolotova, the theory of functional grammar worked out by A. V. Bondarko and the applied theory of functional syntax of M. V. Vsevolodova. The article also highlights that all the above mentioned species of communicative grammar are discourse- and text-oriented. On the basis of this brief overview of various grammar tasks in the contemporary textbooks on Russian as a foreign language, we conclude that it is the functional-communicative grammar that builds the core of the contemporary linguodidactic model of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: teaching methods, Russian as a foreign language, functional-communicative grammar, theory of functional grammar, functional-communicative syntax.

Статья посвящена специфике «нового» коммуникативного направления в преподавании грамматики иностранного языка. Целью работы является определение критериев разграничения традиционного и «нетрадиционного» подходов к обучению грамматике, выявление различий между разновидностями «нетрадиционного» подхода и описание положения «нетрадиционного» подхода в современной методической «картине мира». Авторы ставят вопрос о преемственности методических традиций, прослеживая путь развития коммуникативного подхода, раскрывая его теоретические предпосылки и «включенность» в современную общегуманитарную антропоцентрическую парадигму. В статье подчеркивается методологическая общность традиционной и «нетрадиционной» грамматик при одновременной четкой противопоставленности двух направлений в зависимости от ориентации на ономазиологический или семасиологический подход, на конкретные виды речевой деятельности. Далее авторы дают характеристику трем основным «нетрадиционным» подходам: функционально-коммуникативной грамматике, основанной на концепции Г. А. Золотовой; теории функциональной грамматики, разрабатываемой группой ученых под руководством чл.-корр. РАН А. В. Бондарко, и прикладной теории функционально-коммуникативного синтаксиса М. В. Всеволодовой. При этом подчеркивается, что базисом для разных подходов коммуникативной грамматики является ориентация на предложение и текст, а также погружение в дискурсивное пространство изучаемого языка. На основе краткого обзора имеющихся типов заданий, направленных на обучение грамматике в современных пособиях по РКИ, авторы статьи делают вывод о том, что именно функционально-коммуникативная грамматика является ядром современной лингводидактической модели РКИ.

Ключевые слова: методика преподавания, РКИ, функционально-коммуникативная грамматика, теория функциональной грамматики, функционально-коммуникативный синтаксис.

Парадигма современного образовательного процесса претерпела, с одной стороны, некоторые изменения по сравнению с педагогическими принципами XX века, с другой – сохранила методическую преемственность, «базисность» постулатов основных подходов и техник. Так, в

конце XX века в практике преподавания русского языка как иностранного (далее – РКИ) на смену традиционному подходу, основанному на описательной формальной грамматике, пришли новые принципы обучения и объяснения, восходящие к таким направлениям, которые получили в научном дискурсе условные названия «коммуникативная грамматика», «функционально-коммуникативная грамматика» и «функциональная грамматика».

Однако стоит ли говорить о возникновении «другой» – «нетрадиционной» – грамматики, противопоставленной «традиционной»? Настораживает и разнообразие названий «новой» грамматики: функциональная, коммуникативная, функционально-коммуникативная. Идентично ли их смысловое наполнение?

На первый взгляд, формальность, коммуникативность и функциональность (в свете основной – коммуникативной – функции языка) нельзя не признать характерными чертами грамматики как таковой, поэтому вопрос о противопоставлении формальной и семантической грамматики может представляться бессмысленным. С другой стороны, если иметь в виду не сам грамматический строй языка, а науку о нем, это противопоставление обретает иной смысл в свете представления о двусторонности языкового знака (форма и содержание) и существовании двух возможных подходов к анализу языковых фактов – ономасиологического и семасиологического.

Если обратиться к «Новому словарю методических терминов и понятий» [Азимов, Щукин, с. 50–51], в статье «Грамматика» указаны следующие методически значимые ее разновидности: педагогическая (или традиционная, практическая), коммуникативная (также активная, или продуктивная), функциональная, пассивная (или рецептивная). Следует также отметить, что в данном случае классификация дается по нескольким критериям: по ориентации на вид речевой деятельности (активная и пассивная, продуктивная и рецептивная), по отбору и представлению материала, объекту и целям изучения (педагогическая, коммуникативная и функциональная).

Педагогическая (или практическая) грамматика направлена на обучение некоему языку как иностранному, это «редукция грамматического материала изучаемого языка в соответствии с целями обучения» [Там же, с. 51], то есть фактически это упрощенная формальная грамматика, содержащая между тем информацию и о когнитивной деятельности человека, о контекстуальном употреблении грамматических форм, о языковой картине мира изучаемого языка.

Коммуникативная грамматика (активная, продуктивная) подразумевает «описание языка, которое раскрывает правила функционирования единиц языка в речи в зависимости от содержания высказывания» [Там же, с. 98]. На практике разделами такой грамматики могут быть «Выражение пространственных отношений», «Выражение временных отношений» и т. д. Движение мысли здесь осуществляется по направлению от содержания к форме (ономасиологический подход). Именно поэтому эта грамматика активная: она направлена на изучение функционирования грамматических конструкций в речи (в отличие от традиционной практической грамматики, которая репрезентирует подход «от формы к содержанию») и таким образом представляет семасиологический аспект исследования, является пассивной (рецептивной) грамматикой).

Информация о функциональной грамматике располагается в указанном словаре в отдельной словарной статье, что само по себе знаково. Термин «функциональная грамматика» не синонимичен термину «коммуникативная грамматика», хотя их многое объединяет: обе разновидности являются активными продуктивными грамматиками с ономасиологическим подходом к фактам языка. Составители словаря делают акцент на том, что, в отличие от коммуникативной грамматики, изучающей правила функционирования единиц языка в речи, функциональная грамматика изучает либо «функции единиц языка и закономерности их использования во взаимодействии с их окружением в высказывании и целостном тексте», либо «семантические категории и их варианты, выражающиеся взаимодействующими разноуровневыми языковыми средствами» [Там же, с. 342], что удобно для организации учебного грамматического материала.

Таким образом, в современной методике преподавания иностранного языка можно говорить о четкой противопоставленности двух направлений в обучении грамматике в зависимости от ориентации на ономасиологический или семасиологический подход, на продуктивные или рецептивные виды речевой деятельности. В таком случае функциональная и коммуникативная грамматики оказываются разновидностями одного и того же «активного» направления (хотя под продуктивной и активной грамматикой составители указанного словаря понимают именно коммуникативную грамматику, «отказывая» в этом статусе функциональную). Очевидное смещение интересов грамматистов к «активному» полюсу – явление вполне закономерное. Так, Е. С. Кубрякова отмечает, что функционализм – это не лингвистическое направление, а характере-

ристика языковой системы, поэтому лингвистика начала XXI века приняла функционализм как один из основных принципов научного представления о языке [Кубрякова, с. 207].

В известной работе «Грамматика как наука о человеке» Г. А. Золотова обозначила основной недостаток традиционной описательной грамматики и важное требование современных научных подходов к грамматике – «очеловечить» грамматику, вернуть в нее говорящего [Золотова, 2001, с. 107–113]. Как отмечают Т. М. Чирко и Т. М. Ломова, сегодня эффективность обучения иностранному языку оценивается «с точки зрения сформированности у студентов продуктивных умений и навыков, а также с точки зрения адекватности используемых ими языковых средств целям и условиям коммуникации» [Чирко, Ломова, с. 51–55]. Так постепенно возникает логичная модификация представления о грамматике как объекте преподавания РКИ – это некая «редуцированная» версия формальной описательной грамматики, которая становится грамматикой речи. «Функциональная грамматика выросла на базе традиционной, это та же грамматика, но обновляющаяся, не застывшая, а в развитии, в динамике, не закрытая для инакомыслия, но открытая новым наблюдениям и аргументам» [Золотова, 2002, с. 72]. Идея подтверждается и позицией А. В. Бондарко, который считал, что в лингвистической теории «системно-структурное и функциональное направления образуют единство, однако оно далеко от равновесия и равномерного распределения его компонентов» [Бондарко].

В свете вышеизложенного становится понятно, что явилось импульсом для «активизации» функционального начала в грамматике. Так, по мнению Г. А. Золотовой, в представление о двусторонней природе языкового знака, помимо формы и содержания, необходимо было ввести и третий параметр – функцию знака, что в теоретическом плане было подготовлено работами отечественных «классиков от науки» А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова. Так, во введении к разделу «Синтаксис» в академической «Грамматике русского языка» (1954) В. В. Виноградов призвал к изучению функций форм слов и правил их использования в образовании словосочетаний и предложений разных типов, неизбежно выходя на уровень описания закономерностей порождения текста [Грамматика 1954].

В современной русистике принято выделять три направления функционально-грамматических исследований: 1) функционально-коммуникативная грамматика (ФКГ), основанная на кон-

цепции Г. А. Золотовой; 2) теория функциональной грамматики (ТФГ), разрабатываемая группой ученых под руководством чл.-корр. РАН А. В. Бондарко; 3) прикладная теория функционально-коммуникативного синтаксиса (ФКС) М. В. Всеволодовой.

Дадим краткую характеристику представленным направлениям. Функционально-коммуникативная грамматика соединяет системное представление о грамматике и анализ текста: значимые единицы языка подвергаются анализу в связи с коммуникативной деятельностью говорящего, основным объектом изучения становится текст и составляющие его грамматические модели [Золотова, 2002, с. 72]. В широком понимании ФКГ изучает иерархические связи между языковыми единицами (парадигматические и синтагматические); если немного сузить угол зрения, то фокус исследования в ФКГ сводится к выявлению функционально-семантических особенностей каждой грамматической единицы языка.

Теория функциональной грамматики представлена работами ученых петербургской школы функциональной грамматики, которые видели ценность грамматического анализа в изучении содержания рассматриваемых категорий и в таком соотношении этого содержания с формой языкового выражения, которое стремится выявить воздействие формы на представление актуализируемой семантики [Теория функциональной грамматики, с. 3]. ТФГ создает классификационную, системно-описательную модель категориальной грамматики, которая русскую грамматическую систему описывает в ряду грамматик других языков, обращаясь к аспектам сопоставления и сравнения в отличие от ФКГ, которая обращена к тексту одного языка и анализирует говорящего как творца этого текста.

И ТФГ, и ФКГ, в отличие от «традиционной» грамматики, ориентированы на изучение того, как функционирует грамматика, а не как она устроена. «Функционирование единиц строя языка (грамматических форм слова, синтаксических конструкций и «строевых лексем») осуществляется во взаимодействии с элементами внутриязыковой и внеязыковой среды. Включение этого взаимодействия в сферу исследования и описания расширяет ее, но не противоречит сложившемуся пониманию существа грамматики, поскольку в центре внимания остается категориальная основа языкового строя» [Бондарко, с. 7]. При этом под функционированием языковых единиц понимается «обусловленное строем языка и актуализируемое в речи взаимодействие разноуровневых элементов языковой системы и

среды» [Там же, с. 11]. Таким образом, анализ любого грамматического явления предполагает двуединство взгляда изучающего: с позиций языка и с позиций речи. Так, в качестве ключевых им были заявлены понятия «функционально-семантическое поле» и «категориальная ситуация». Под функционально-семантическим полем (ФСП) предлагается понимать «группировку грамматических и „строєвых“ лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Там же, с. 12]. Примерами являются ФСП темпоральности, таксиса, возвратности, взаимности, посессивности и т. д.

Категориальная ситуация (КС) – это «выражаемая различными средствами высказывания типовая содержательная структура, базирующаяся на определенной семантической категории и образуемая ею в данном языке ФСП, или представляющая собой один из аспектов общей ситуации, передаваемой высказыванием, одну из его категориальных характеристик (аспектуальную, темпоральную, модальную, локативную и т. п.)» [Там же]. При этом важно, что если понятие ФСП соотносится с совокупностью языковых средств в языковой системе, то понятие КС связывает языковую систему с речью.

Функционально-коммуникативный синтаксис соединяет задачи преподавания РКИ (функционально-коммуникативный подход) и науки о русском языке (формально-описательный и семантический подходы), описывая лингвометодические модели порождения русской речи. Задача такого подхода к обучению языку сформулирована самой М. В. Всеволодовой как формирование «лингвистического мышления», научение «осознанию языка как коммуникативной системы, что позволит увидеть его „изнутри“ и представить возможность иных конфигураций смыслов, иных средств их выражения и механизмов, осуществляющих функционирование этих средств в других языках» [Всеволодова, с. 4]. Основными объектами описания в ФКС являются: план содержания (семантическое речевое пространство – лексические, грамматические и лексико-грамматические семы и их системы значений, которые образуют функционально-семантические категории и функционально-семантические поля); план выражения (формальные единицы языка – синтаксема и высказывание – и объекты изучения – словосочетание и текст); языковые механизмы, обеспечивающие возникновение и функционирование речевых построе-

ний. Концепция ФКС декларирует организующую роль синтаксиса, поэтому центральной единицей изучения и обучения для сторонников концепции становится предложение (высказывание), единственной сферой функционирования которого объявляется дискурс.

Таким образом, очевидно, что представленные три направления демонстрируют совершенно новый взгляд на грамматику, подчиненную речевой стихии, прагматике говорящего, семантической заданности ситуации общения.

Наконец, завершив рассмотрение истории становления основных направлений «нетрадиционной» грамматики, обратимся к тому аспекту накопленных наукой знаний, которые, на наш взгляд, представляют особую ценность в преподавании РКИ в современной педагогической и новой культурологической парадигмах.

Коммуникативная грамматика как новое направление стала активно появляться во второй половине XX века (работы Г. А. Золотовой, О. А. Крылова, А. В. Бондарко, Н. К. Онипенко), основываясь на следующих концепциях: 1) концепции лингвистической прагматики – внимание переносится на речепроизводящую личность, которая включается в отношения «знак – пользователь знака» (восходит к трудам лингвистов-философов Оксфорда Б. Рассела, Дж. Остина, Х. Грайса, Дж. Серля); 2) исследованиях структурного литературоведения, использующих грамматические категории и понятия в целях интерпретации художественного текста (Р. О. Якобсон, Я. Мукаржовский, Ц. Тодоров); 3) понимании художественного текста в нарратологии, в рамках которой выделяют план содержания и план выражения текста (труды Н. А. Кожевникова, В. Шмидта); 4) культурологических феноменах семиотики искусства (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский); 5) теоретических единицах интерпретационной семантики (Е. В. Падучева).

В отечественной науке основы коммуникативной грамматики русского языка заложила Г. А. Золотова, противопоставив основные методы «традиционной» описательной грамматики грамматике «нетрадиционной» (объяснительной или коммуникативной) и обратившись к феномену триединой сущности языковой единицы (значение, форма и функция) как основе грамматики речи [Золотова, Онипенко, Сидорова]. Грамматический строй конкретного языка рассматривается как инструмент общения и мышления, познания окружающей действительности, получает статус ментально обусловленной категории [Золотова, 1982, с. 24–26].

Очевидно, что в такой научной парадигме исследовательский интерес концентрируется вокруг текста: интерпретация значений глагольных категорий возможна исключительно в границах текстового анализа. Так, например, в практическом курсе русского языка рассматриваются следующие разделы коммуникативной грамматики: «Выражение пространственных отношений», «Выражение временных отношений», «Выражение отношений обусловленности», «Выражение модальных отношений» и др.

В настоящее время в научной среде наблюдается неразличение коммуникативной грамматики как теории изучения языка, коммуникативно-грамматического подхода в обучении РКИ и когнитивно-экспериментальной теории («thinking for speaking») Д. Слобина. М. Ю. Сидорова в своем исследовании потенциала взаимодействия коммуникативной грамматики, коммуникативно-грамматического подхода русского языка и мировых экспериментальных методов в обучении иностранному языку находит существенное различие между ними: «В коммуникативной грамматике важнейшим предметом и организующим центром лингвистического анализа служит позиция автора текста как целеполагающего субъекта, выбирающего и сочетающего языковые средства в соответствии со своей коммуникативной интенцией и языковой квалификацией. В экспериментах типа picture naming или object / scene description об интенции говорящего речи не идет – участники эксперимента, называющие картинку или описывающие объект, рассматриваются как „представители языка“, медиаторы его возможностей, „экземпляры одного словаря“ (по формулировке Ф. де Соссюра), а не как субъекты сознательной или интуитивной „селекции и комбинации“ языковых средств» [Сидорова, с. 279–281]. Очевидно, что здесь коммуникативная грамматика ставится в подчинение речевой прагматике и грамматике говорящего, который, кстати, является не только субъектом порождения высказываний, но и носителем категориальных языковых и национально обусловленных смыслов. Эту способность языка отображать действительность в языковых измерениях нации необходимо учитывать в практике преподавания РКИ, поскольку русская языковая картина мира получила отражение «и в лексике, и в синтаксических моделях, и в морфологических формах, и в интонации, и в речевом этикете, а также в мимике и жестах» [Панков, с. 72].

В большинстве современных учебников русского языка грамматический материал подается активно – в схемах, таблицах, а также пассивно – в речевых образцах, через тексты, диалоги, сис-

тему упражнений. Эффективной формой скрытого представления грамматического материала большинство авторов признает систему речевых образцов, нацеленную на формирование навыка говорения посредством выстраивания высказываний по аналогии, при этом грамматика играет якобы «подчиненную» роль. Иногда презентуемая речевая модель получает культурно ориентированный комментарий (например, специфика безличных и бытийных предложений, глагольного управления, посессивности). Каждый осваиваемый грамматический феномен последовательно проводится через этап подготовительных упражнений (упражнения на замену, на подстановку) к упражнениям речевым (построение текста, диалога).

Таким образом, современная методика преподавания РКИ заимствовала из коммуникативной грамматики не только основной подход к языку, но и отдельные принципы работы с моделированием единиц дискурсивной практики человека говорящего.

Основными выводами представленного научно-методологического обзора являются следующие постулаты: 1) ядром лингводидактической модели РКИ является ФКГ; 2) ФКГ (грамматика речи) опирается на достижения традиционной формально-описательной грамматики (грамматики языка), хотя во многом и противопоставлена ей; 3) в компетенцию ФКГ входят некоторые периферийные вопросы «традиционной» грамматики, необходимые для овладения навыком продуцирования речи на иностранном языке; 4) единицей обучения признается высказывание (предложение, речевой образец); 5) целью обучения становится погружение в дискурсивное пространство языка и его освоение посредством синтаксических моделей (от словосочетаний до текста); 6) морфологии отводится подчинительная роль; 7) в синтаксис вводится понятие «говорящего» (автора, человека), его интенция определяет логику построения высказывания, отбор лексических и морфологических средств языка; некоторые особенности грамматики объясняются специфическим типом мышления русского человека; 8) овладение грамматикой осмысливается как необходимое условие аккультурации, ментального погружения в пространство чужого языка.

Список литературы

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.

Бондарко А. В. (отв. ред.) Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. 348 с.

Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. Москва: МГУ, 2000. 501 с.

Грамматика русского языка. 1954. Академия наук СССР. Институт языкознания. Т. II: Синтаксис. Ч. 2. М., 1954. 444 с.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.

Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении, 2001. № 1. С. 107–113.

Золотова Г. А. О возможностях функционального исследования языка // Русский язык в научном освещении, 2002. №1 (3). С. 65–74.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. д. ф. н. Г. А. Золотовой. М.: Наука, 2004. 544 с.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука XX века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144–238.

Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика и русская языковая картина мира // Мир русского слова, 2013. № 2. С. 72–80.

Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка и мировая экспериментальная когнитивистика: потенциал взаимодействия // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 278–285.

Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. 304 с.

Чирко Т. М., Ломова Т. М. Активная грамматика: к содержанию понятия // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2002. №1. С. 51–55.

References

Azimov, E. G., Shchukin, A. N. (2009). *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i poniatii (teoriia i praktika obucheniiia iazykam)* [A New Vocabulary of Methodical Terms and Concepts (Theory and Practice of Teaching Languages)]. 448 p. Moscow, IKAR. (In Russian)

Bondarko, A. V. (otv. red.) (1987). *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaia lokalizovannost'. Taksis* [Theory of Functional Grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taxis]. 348 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Chirko, T. M., Lomova, T. M. (2002). *Aktivnaia grammatika: k sodержaniuiu poniatiiia* [Active Grammar:

On the Content of the Definition]. *Vestnik VGU. Serii: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, No.1, pp. 51–55. (In Russian)

Grammatika russkogo iazyka. (1954). Akademiia nauk SSSR. Institut iazykoznaniiia. T. II: Sintaksis. Ch. 2. [Grammar, 1954. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Linguistics. Russian Grammar. T. II: Syntax. Part 2. Ch. 2.]. 444 p. Moscow. (In Russian)

Kubriakova, E. S. (1995). *Evolutsiia lingvistiicheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka* [Evolution of Linguistic Ideas in the Late 20th Century]. *Jazyk i nauka XX veka*, pp. 144–238. Moscow, Institut iazykoznaniiia RAN. (In Russian)

Pankov, F. I. (2013). *Funktsional'no-kommunikativnaia grammatika i russkaia iazykovaia kartina mira* [Functional-Communicative Grammar and the Russian Linguistic Picture of the World]. *Mir russkogo slova*, No. 2, pp. 72–80. (In Russian)

Sidorova, M. Iu. (2015). *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka i mirovaia eksperimental'naia kognitivistika: potentsial vzaimodeistviia* [Communicative Grammar of the Russian Language and World Experimental Cognitivism: The Interaction Potential]. *Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury*, pp. 278–285. St. Petersburg, MAPRIaL. (In Russian)

Teoriia funktsional'noi grammatiki: Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaia perspektiva vyskazyvaniia. Opredelennost' / neopredelennost'. (1992). [Theory of Functional Grammar: Subjectivity. Objectivity. Communicative Perspective of Utterances. Certainty/Uncertainty]. 304 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)

Vsevolodova, M. V. (2000). *Teoriia funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli iazyka. Uchebnik* [Theory of Functional-Communicative Syntax. A Fragment of the Applied (Pedagogical) Language Model. A Textbook]. 501 p. Moscow, MGU. (In Russian)

Zolotova, G. A. (1982). *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative Aspects of Russian Syntax]. 368 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Zolotova, G. A. (2001). *Grammatika kak nauka o cheloveke* [Grammar as a Science of Man]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, No.1, pp. 107–113. Moscow. (In Russian)

Zolotova, G. A. (2002). *O vozmozhnostiakh funktsional'nogo issledovaniia iazyka* [On the Possibilities of Functional Language Research]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, No.1 (3), pp. 65–74. Moscow. (In Russian)

Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Iu. (2004). *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Pod obshch. red. d. f. n. G. A. Zolotovoi. 544 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 26.04.2017

Поступила в редакцию 26.04.2017

Ахмерова Лилия Ренадовна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
lavolkns15@mail.ru

Капралова Юлия Владимировна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
afina.pallada@mail.ru

Палеха Екатерина Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
katerina.paleha@gmail.com

Akhmerova Liliya Renadovna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
lavolkns15@mail.ru

Kapralova Julia Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
afina.pallada@mail.ru

Palekha Ekaterina Sergeevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
katerina.paleha@gmail.com